
Вопросы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии

Научная специальность

12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»

УДК 343(470)(091)

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2020.4.59>

ОСОБЕННОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ СОВМЕСТНОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НЕКОТОРЫХ ГОСУДАРСТВ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА И ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ

© Георгиевский Э. В., Кравцов Р. В., 2020

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Проведено исследование совместного совершения преступления как юридического явления, получающего свое закрепление в письменных законодательных актах первых государственных образований Древнего Востока и некоторых государств эпохи Античности. Рассмотрены нормы уголовно-правового характера, включающие в себя те или иные положения, касающиеся совместного совершения преступления. Проанализированы основные законы Древнего Египта, Шумера, Вавилона, Ассирии, Индии, Китая и Японии, Греции и Рима. Анализу подверглись нормы уголовно-правового характера, в которых так или иначе упоминаются положения о совместном причинении вреда. Установлены возможные виды совместного совершения преступления и лиц, совместно участвующих в совершении противоправных деяний, основания и пределы уголовной ответственности, виды групповых образований, в рамках которых совместно совершаются преступления. Выявлен и систематизирован целый ряд положений теоретического характера, отражающих уголовно-правовые взгляды законодателей Древнего Востока и Античности на общественно опасный характер и вредоносность совместного совершения преступления. Определено, что древневосточный и античный законодатель закрепляет первые положения, касающиеся совместного совершения преступления, казуистически, т. е. закрепляя в «теле» нормы конкретные, имевшие место случаи; в законодательстве закрепляются такие по структуре составы преступления, совершение которых в одиночку представляется либо маловероятным, либо невозможным; среди возможных видов совместного совершения преступления большее внимание законодатель уделяет именно прикосновенности, выражающейся в укрывательстве, недонесении или попустительстве. Утверждается, что это вызвано превосходной степенью общественной опасности таких случаев, так как именно они создают решимость у иных лиц совершить преступление.

Ключевые слова: совместное совершение преступления, соучастие, организатор, пособник, помощники, укрывательство, подстрекательство, бунт, мятеж, Древний Восток, Законы Билаламы, Гортинские законы, Законы Ману.

Феномен «совместного совершения преступления» берет свое начало в недрах догосударственного строя. Древний человек очень рано начинает понимать, что коллективные формы жизнедеятельности являются максимально эффективными, в том числе и в ситуациях совместного причинения вреда. В основе совместного причинения вреда, по мнению многих исследователей, лежат половой и пищевой инстинкты, приводящие к групповым конфликтам уже в период существования первобытного стада. Именно родовая группа несет ответственность за поступки своих членов и дает каждому защиту от всяких

посягательств извне. Не только обязанность коллективной защиты и ответственности является движущей силой совместности при причинении вреда, но и обязанность совместного ведения войны и кровного мщения. Совместное причинение вреда в рамках кровной мести не только не возбранялось, но и поощрялось, укладывалось в обычно-правовые нормы, являлось нравственной и религиозной обязанностью.

В период появления первых государственных образований совместное совершение преступления не является чем-то из ряда вон выходящим. Но в отличие от эпохи догосударственного общества, эпоха государственного образования,

как правило, сопровождалась формированием письменных источников, с большей или меньшей степенью достоверности сообщающих нам о первых попытках борьбы с преступностью в том числе. Некоторые специфические особенности законодательного закрепления имел и институт совместного совершения преступления.

Как полагает Э. А. Грантовский, и письменное право, и законы, да и в целом происхождение самого правового общества и государства связаны именно с государствами Древнего Востока [4, с. 44]. Одно из первых упоминаний о том, что преступление может быть совершенно совместно, содержит древнеегипетское Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара (XXI в. до н. э.). В Поучении говорится о том, что царь должен убивать тех, кто сам склонен к мятежу и склоняет к нему. «Говорун – это подстрекатель; расправься с ним, убей его детей, изгладь его имя [уничтожь] его домочадцев, изгони память о нем и его сторонников, любящих его» [12, с. 17]. «В дошедших до нас анналах древневосточных царей, – пишет Г. В. Мальцев, – устойчиво присутствуют два мотива – восхваление себя и бога, а также прославление собственной силы, отождествляемой с разнузданной жестокостью» [15, с. 332]. Как справедливо отмечает Е. Н. Трикоз, уже в поучении Мерикара были заложены основные принципы и основы системы древнеегипетских наказаний. Помимо устрашения как доминирующей идеи эта система четко строилась на принципе экономии карательной репрессии [21, с. 192].

Как полагает В. А. Томсинов, с точки зрения официальной религиозно-политической идеологии Древнего Египта преступление хоть и не рассматривалось в качестве согрешения, но представляло собой деяние, разрушающее привычное устройство мира, нормальное течение жизни и причиняющее зло живым существам [19, с. 472].

А среди самых распространенных преступлений были как раз именно те, совершение которых предполагает определенную «коллективность». Это были такие составы, как заговор и мятеж против верховного правителя, повреждения или разрушения храмовых зданий. Особый интерес в исследуемом нами аспекте представляют несколько случаев под названием «Гаремный заговор», изложенные в «Судебном Туринском папирусе», «Папирусе Роллин» и «Папирусе Ли». Все гаремные заговоры были направлены против Рамсеса III. И во всех этих документах говорилось о различных видах наказаний по отношению к разным соучастникам, включая соучастие с «великими преступниками» [19, с. 478–480].

Существуют письменные доказательства совместного совершения преступления в Древнем Египте и в отношении общеуголовных преступлений, например таких как кража. Так, в одном из документов устанавливается, что хозяин принудил своего раба совершить кражу священного быка из Фиванского некрополя [14, с. 115]. Далее существуют свидетельства, что за ограбление могил все того же Фиванского некрополя на кол было посажено 7 человек [14, с. 116]. В одном из протоколов допроса обвиняемых в грабеже царских гробниц некто Бухаэф выдает всех своих соучастников – 13 человек [14, с. 252–253]. Делает он это с той целью, чтобы наказание постигло всех вместе с ним. Правда, не говорится при этом, как должно индивидуализироваться уголовное наказание. Очевидно, что всех соисполнителей совершенного грабежа ожидала одинаковая участь.

И. М. Лурье высказывает некоторые суждения относительно того, предусматривало ли древнеегипетское уголовное законодательство ответственность за пользование плодами похищенного. Так, в частности, лицо, добросовестно купившее краденое, от уголовной ответственности освобождалось. Если же лицо приобретало краденое иным путем, оно обязано было вернуть это имущество [14, с. 118–119]. Нужно отметить, что подобное отношение к недобросовестному приобретению чужого имущества и последующее возвращение (однократное или в многократном размере) было свойственно уголовному законодательству и некоторых иных стран Древнего Востока.

В позднешумерских Законах Ур-Намму (около 2112–2094 гг. до н. э.) есть норма, в соответствии с которой, если жена молодого человека по собственной воле к чужому мужчине приблизилась и он на лоне ее возлегал, эта женщина должна быть убита, а мужчина должен быть освобожден. Несмотря на факт освобождения от ответственности и наказания второй стороны данного деяния, состав сформулирован с указанием на двух участников [15, с. 161].

В Законах Билаламы царя Эшнунны (середина XX в. до н. э.) в параграфе 40 фактически установлен запрет на приобретение раба, рабыни, вола или иной вещи в том случае, если не будет установлено ее происхождение. В противном случае человек, совершивший такую покупку, сам объявлялся вором. Эта норма носила ярко выраженный профилактический характер и была направлена на предотвращение приобретения краденого [9, с. 218].

Параграф 12 Законов Липит-Иштара, царя Исины (1932–1921 гг. до н. э.), устанавливает ответственность за укрывательство чужого раба.

Если раб сбежит и проживет в доме какого-либо человека 1 месяц, то тот человек, будучи уличенным, должен отдать голову за голову [9, с. 220].

В соответствии с Законами вавилонского царя Хаммурапи (1958–1916 гг. до н. э.) совместное совершение преступления предусматривалось в нескольких статьях. В статье 15 предусматривалась ответственность за содействие побегу, выражавшемуся в выведении дворцового раба или рабыни за ворота дворца или, может быть, за городские ворота. Статья 16 карала смертной казнью за укрывательство беглого раба [3, с. 24]. Статья 109 гласила, что корчемщица, не донесшая о собравшихся в ее доме разбойниках и не принявшая мер к их задержанию, подлежала смертной казни фактически за недонесение и попустительство [3, с. 31]. Статья 129 устанавливала ответственность за совместное совершение прелюбодеяния. Если кто-либо заставал свою жену, лежащей с другим мужчиной, то оба согрешивших должны быть преданы воде. Если же муж прощал свою жену, то ей оставляли жизнь. Жизнь же мужчины-прелюбодея в этом случае сохранялась царем как жизнь его раба [3, с. 34]. Это одно из тех преступлений, совершить которое в одиночку невозможно, а это значит, что совместность его совершения носит определенный необходимый характер (то, на что впоследствии обратит внимание В. И. Сергеевич, формируя свою теорию соучастия). По свидетельствам историков, Законы Хаммурапи продолжали применяться и в нововавилонское время, т. е. как минимум до 1 тысячелетия до н. э. [4, с. 64].

Таблица А Среднеассирийских законов (вторая половина II тыс. до н. э.) в параграфе 3 содержит положение, которое устанавливает ответственность для женщины, похитившей что-либо из дома своего мужа, а также для того, кто это имущество затем приобрел. Речь фактически идет о приобретении имущества, заведомо для получателя приобретенного преступным путем. При этом получатель должен вернуть имущество и претерпеть то же самое наказание, которое муж наложит на свою жену. В том случае, если женщина украдет что-либо в доме своего больного мужа и отдаст это получателю, то их обоих ожидает смертная казнь. И если в первом случае речь идет о наказании, налагаемом в частном порядке (мужем на жену), то очевидно, что во втором случае речь идет о наказании, налагаемом государственной властью, которая защищает больного хозяина похищенного [12, с. 230]. Интерес также представляет параграф 40, в соответствии с которым человек, увидевший на улице блудницу с покрытой головой (блуднице, не взятой мужчиной в жены, нельзя

было появляться на улице с покрытой головой) и не приведший ее во дворец для расправы, должен быть наказан пятьюдесятью ударами палкой [9, с. 221]. Отпуская такую женщину, человек фактически совершал укрывательство, а если он не задерживал ее – попустительство.

Параграфы 37 и 38 Хеттских законов (1500 г. до н. э.) устанавливают достаточно жесткие принципы уголовной ответственности в отношении помощников совершения преступления. В первом случае, если вместе с похитителем женщины будет отряд помощников, то причинение смерти двум-трем из них не признавалось преступным, так как закон гласит: «Ты стал волком». Во втором случае речь идет о силовом и совершенном совместно с помощниками воздействии на противоположную сторону в суде. И в этом случае смерть в отношении помощника совершения преступления становилась оправданной [12, с. 332].

Древнегреческие Гортинские законы (VI–V вв. до н. э.) содержат упоминание о пособничестве женщине, совершившей хищение у мужа. Наказание предполагалось в виде уплаты штрафа в 10 статеров и возвращения похищенного имущества в двойном размере [24, с. 80].

Законодательство Драконта (621 г. до н. э.) в первом аксоне гласит: «...басилеи же должны судить виновного в убийстве... организовавшего его; эфеты же должны расследовать дело...» Речь в данном случае идет об организаторе убийства [17, с. 31].

В соответствии с параграфом 17 таблицы VIII Законов «XII таблиц» (541–450 гг. до н. э.) запрещалось приобретение краденой вещи по давности. В соответствии с данным положением, не только сам вор не мог приобрести право собственности на похищенную вещь, но и никто другой. Более того, собственник, лишившись вещи в результате кражи, становился «собственником на вечные времена» [8, с. 124–125].

А таблица IX повелевала карать смертной казнью того, кто подстрекает врага римского народа к нападению на страну [25, с. 21–33].

В Дигестах Юстиниана (V–VI вв. н. э.) в книге 9 говорится, что если одно лицо держало кого-либо, а другое убило, то иск должен быть предъявлен обоим. Первому как создавшему причину смерти, а второму, собственно, за убийство. Постановления в Дигестах Юстиниана о совместном совершении преступления являются достаточно противоречивыми, сложными, порой очень казуистичными и, самое главное, рассматриваются с точки зрения закона гражданского, т. е. с позиции предъявления иска о возмещении ущерба. Так, например, рядом с вышеуказанным положением находится и

другое, в соответствии с которым, если несколько человек, несущих бревно, уронят его, они также подлежат совместной ответственности за причинение вреда. Хотя необходимо отметить, что в этом случае речь идет о так называемом неосторожном сопричинении [6, с. 399–400].

Согласно данным А. Н. Трайнина, римскому праву была известна ответственность за укрывательство похищенного имущества [20, с. 7].

Артхашастра (I в. до н. э. – I в. н. э.) не содержала понятия соучастия, но имела ряд положений, в которых говорилось о возможном совместном совершении преступления. Так, например, когда преступление совершал подчиненный по прямому указанию начальника, на него налагался штраф вдвое меньше, чем на начальника. Укрывательство лица, о преступлении которого укрывающему ничего не было известно, не являлось преступлением [2, с. 194]. В некоторых положениях, которые мы сегодня относим к положениям Особенной части, также имелись указания на совместное совершение преступления. Так, в разд. 71 «Грабеж» в гл. 17 говорилось о том, что тот, кто побуждает к совершению грабежа, должен платить штраф в двойном размере [1, с. 210].

В Законах Ману (середина II в. н. э.), где также нет обобщающих постановлений о соучастии, о соучастниках все-таки упоминается косвенно. В статье 64 гл. 8 говорится о категориях лиц, которых нельзя допускать в свидетели. Среди них упоминаются соучастники преступления [10, с. 277]. А в соответствии со ст. 193 наказанию в виде публичного исполнения за присвоение чужого имущества путем обмана подлежал не только исполнитель, но и соучастники [10, с. 299]. Прелюбодеяние, совершаемое по обоюдному согласию мужчины и женщины, карается в соответствии со ст. 358 [10, с. 385].

В соответствии со ст. 271 гл. 9, лиц, дающих ворами прибежище и еду, а также укрывающих предметы, добытые преступным путем, необходимо было предать смертной казни [10, с. 385]. Практически о том же говорит и ст. 278, уточняющая, что казни подлежат те, кто дает ворами огонь, пищу, оружие, приют и укрывает краденое. Определяющим здесь, как представляется, является тот факт, что укрыватели наказывались так же, как и сами воры. Статья 274 регламентирует ответственность попустителей: «Не спешащие, как только можно [быстро на помощь] при ограблении деревни, разрушении плотины (*idabhanga*), при ограблении на дороге – должны быть изгнаны с разрешением взять пожитки» [10, с. 385–386].

Гораздо более четкие постановления о совместном совершении преступления содержит

книга 2 «Судопроизводство» Дхармашастры Яджнавалкьи (II в. н. э.). Там в разделе «Оскорбление действием» есть ст. 221, в соответствии с которой с нескольких лиц, избивающих одного, взимается штраф вдвое больший, нежели избивание бы производилось одним человеком. В статье 231 раздела «Грабеж», без сомнения, устанавливалась ответственность за подстрекательство к грабежу: «Того, кто побуждает к совершению грабежа, следует заставить заплатить двойной штраф». В этой же норме повышенная уголовная ответственность устанавливалась за побуждение к совершению преступления путем подкупа [26, с. 31]. Предусматривали законы мудреца Яджнавалкьи и укрывательство. Так, ст. 276 раздела «Кража» гласила, что, если кто-то предоставил для вора или убийцы, зная, кто они такие, еду, жилище, огонь, воду, совет, орудия или средства, должен быть наказан высшим штрафом [26, с. 32].

Дхармашастра Наряды (IV–VI в. н. э.) в разд. 14 в ст. 18 (19) и 19 (20) устанавливала ответственность за различные виды прикосновенности к преступлению. Статья 18 (19) гласила: «Те, которые предоставляют скрывающимся ворами пищу и убежище, и те, которые, будучи в состоянии [их задержать], упускают [эту возможность], рассматриваются как соучастники в преступлении». В статье 19 (20) говорилось о том, что если кто-либо не бежал на крик о помощи к людям, у которых отнимали имущество, то они рассматривались как соучастники [7, с. 130]. В разделе 19 устанавливается целый ряд приемов и способов поимки воров и грабителей, которых необходимо отличать от не-преступников, собравшихся вместе с последними. В ст. 13 данного раздела предписывалось карать как преступников тех, у кого будет найдено краденое или воровской инструмент и кто не смог доказать свою непричастность к укрывательству. Статьи 20–21 разд. 19 более подробно устанавливают сущность укрывательства. Под ним понималось предоставление ворами не только еды, но и огня, воды, помещения, указание дороги, оказание помощи в приеме и продаже похищенных вещей. Все это рассматривалось как совершение преступления, равного по степени общественной опасности самой краже [7, с. 140].

Различными аспектами противодействия укрывательству преступлений в буквальном смысле слова «проинизаны» философские тексты Книги правителя области Шан (III в. до н. э.). Тексты этой книги не являлись нормативными в полном смысле слова, а излагались в виде философских сентенций, квинтэссенцией которых являлось следующее изречение гл. 24: «Коль об-

становка не благоприятствует сокрытию преступлений, то даже Чжи не посмеет преступить закон» [13, с. 230]. Государственное управление, по мнению Шан Яна, должно быть устроено таким образом, чтобы людям было выгодно доносить друг на друга. «Поэтому в стране с хорошо налаженным управлением, – утверждает Шан Ян, – муж, жена и их друзья не смогут скрыть преступления друг от друга, не накликав беды на родственников виновного, остальные также не смогут покрывать друг друга» [13, с. 231].

В уголовных установлениях Тан («Тан лью шу и») – китайского уголовного кодекса периода правления Танской династии (618–907 гг.) – содержатся многочисленные упоминания о совместном совершении преступления. В цзюане 5 есть норма, в соответствии с которой то лицо, которое выступило инициатором совершения преступления, признается его главарем (организатором). Последовавшим за ним соучастникам наказание уменьшается на одну ступень. Если же преступление совместно совершили родственники, то ответственности подлежат только старшие родственники. В целом ответственности подлежали родственники-мужчины, достигшие 10 лет и не старше 80 лет. Даже в том случае, если инициатором была женщина, вместо нее ответственности все равно подлежал один из мужчин-родственников [22, с. 237]. В разъяснении к ст. 42 вышеуказанного цзюаня говорится о том, что под совместным совершением преступления следует понимать ситуацию, когда в его совершении участвовали два или более лица. По этому поводу очень образно высказывается В. Г. Графский, полагающий, что древнекитайскому законодателю было свойственно тщательно классифицировать преступления и дифференцировать ответственность [5, с. 115].

В целом ряде иных составов уголовных установлений Тан главари и другие соучастники не выделялись. Все наказывались в одинаковой степени¹, очевидно, как соисполнители. Это касалось, в частности, таких преступлений, как разбой, грабеж, развратные действия, похищения людей с последующим обращением их в рабов и др. [22, с. 240–241]. В соответствии с цзюанем 20 регулировалась ответственность за приобретение похищенных людей, при осознании того факта, что их до продажи похитили [23, с. 128].

Китайская религия, письменность и стройные правовые установления законов «Тай лью лин» оказали серьезное влияние на дофеодаль-

ную Японию (Ямато). Еще в IV–VI вв. в древнеяпонском уголовном праве и законодательстве совместное совершение преступления относилось к обстоятельствам, отягчающим наказание. По мнению Д. А. Суровеня, в древней Японии к отягчающим наказанием обстоятельствам относилось подстрекательство к мятежу. Так, около 421 г. был раскрыт заговор против государя Ямато, в котором участвовал принц Хая-буса-вакэ и принцесса Мэдори-но химэ. Отягчающим обстоятельством являлось также совершение преступления при участии двух или более лиц по предварительному сговору. Кроме того, древнее японское право учитывало в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, совершение преступления в составе преступного объединения [18, с. 815–817].

В VI–VIII вв. в Японии появляются крупные законодательные акты, среди которых особый интерес представляет Свод законов «Тайхо рицурё» (702–718 гг.). В этом своде законов ранней Японии фактически были объединены уголовные, административные, земельные и иные законы [16, с. 3].

Рицу (Уголовный кодекс) содержал ряд положений о совместном совершении преступления. Эти положения не носили обобщающего характера, в основном представляли собой обстоятельства, отягчающие наказание, и были расположены в Особенной части Уголовного кодекса. Так, в «Уголовном законе о наказаниях» говорится о ряде преступлений, совершение которых возможно только при участии нескольких лиц, например мятеж или заговор, угрожающий государю [18, с. 7]. В статье 25 излагается положение, в соответствии с которым, если между принимающим и сдающим краденые вещи не было сговора, то такие вещи следует вернуть хозяину. Очевидно, что речи об уголовной ответственности в данном случае не идет. Статья 31 регламентирует уменьшение наказания сообщникам преступника при их явке с повинной. В статье 33 речь идет об уменьшении наказания подчиненным – соучастникам служебного преступления. Статья 35 в целом устанавливает уменьшение наказания на одну ступень соучастникам преступления. А в ст. 36 и 37 речь идет о раздельном наказании соучастникам преступления, которые являлись родственниками и неродственниками исполнителя, а также о последствиях бегства соучастников. В статье 39 устанавливается ответственность родственников за укрывательство преступника [18, с. 21]. Применяемый в «Уголовном законе о наказаниях» термин «сю» означал группу, в которую могло входить три человека и более. Термин «бо» означал сообщничество, которое

¹ Нужно отметить, что так было далеко не всегда и китайское уголовное право различало участников преступления. Так, например, во время правления династии Цин в случае совершения убийства при помощи особой хитрости зачинщик обезглавлялся, а остальным соучастникам полагалась ссылка и телесные наказания [11, с. 88].

могло состоять из двух и более человек, являвшихся заговорщиками [18, с. 79].

В «Административно-уголовном законе» как части Уголовного кодекса Рицу есть ряд составов, в которых уголовная ответственность устанавливается за совместные действия начальника и подчиненного. При этом наказание для подчиненного уменьшается, как правило, на одну ступень. Это зафиксировано, например, в ст. 44 «Самовосхваление». В статье 45 «Нарушение законов» совместность совершения преступления выражается в требовании, обращенном к чиновнику, чтобы последний нарушил закон. Если чиновник соглашается с таким требованием со стороны любого человека, то его постановляется считать соучастником. В то же время, если чиновник отказался по требованию нарушить закон, ни он, ни требующий совершить нарушение закона к ответственности не привлекались [18, с. 41]. Если же нарушение закона все-таки осуществилось, то обоим соучастникам полагалось по 100 палок. Этот факт свидетельствует о том, что и исполнитель, и иной соучастник (подстрекатель или организатор) наказывались одинаково.

Статья 46 «Дача взятки через посредника» регламентировала ответственность за соучастие в разделе взятки – когда часть полученной взятки передавалась другому лицу [18, с. 42]. А статья 47 устанавливала, что, если в даче взятки судебному чиновнику принимала участие группа преступников («гудё»), то основного участника (исполнителя, а возможно, также инициатора или организатора) необходимо было наказывать за подкуп в целом, а остальных участников в зависимости от доли их участия. Здесь мы наблюдаем попытку дифференцировать наказуемость соучастников в зависимости от фактического участия каждого из них в совершении преступления [18, с. 43].

«Уголовный закон о мятеже, разбое и грабеже» содержит несколько более положений о совместном совершении преступления, чем иные разделы Уголовного кодекса Рицу. Статья 1 «Мятеж против государя» предполагает ответственность за собственно мятеж или заговор против государя. Всех участников при этом предполагалось казнить путем отрубания головы, а их отцов, сыновей и дворовых холопов отдавать в казенные крепостные. Имущество виновных в мятеже и заговоре подлежало конфискации. Деда и внуки преступника, а также старшие и младшие братья подлежали дальнейшей ссылке, независимо от того, проживают они вместе с преступником или нет [18, с. 47]. В статье 2 говорится об особенностях уголовной ответственности родственников преступника, если они являлись

соучастниками. Статья 4 говорит о том, что если государственная измена замышлялась совместно, то ответственности подлежали все без исключения. Количество человек при этом (до 10 или более 10) имело значение для того, чтобы так или иначе наказать родственников организатора измены (дальняя или средняя ссылка для сыновей, например) [18, с. 48].

Статья 9 «Убийство простого человека» устанавливает ответственность не только для непосредственного исполнителя убийства (ему грозило обезглавливание), но также и для пособника, которому грозила ссылка с трехгодичными каторжными работами. Основным виновником, тем не менее, считался не исполнитель преступления, а зачинщик убийства [18, с. 50]. О неразглашении убийства кровных родственников говорила ст. 13, в соответствии с которой недонесение об этом преступлении, выраженное в предварительном соглашении, каралось трехлетней каторгой, а простое недонесение заслуживало наказания на ступень ниже, чем явный сговор [18, с. 52].

Несмотря на то что ст. 49 называлась «Соучастие в похищении людей», фактически в ней речь шла и о покупке краденого. А вот ст. 50 «Совместная кража» уже достаточно подробно регламентирует особенности ответственности соучастников при совершении совместной кражи. Совместное совершение кражи предполагало равное разделение ответственности, исходя из общей стоимости украденного. Следует полагать, что в статье осуществляется не совсем удачная попытка разделить функции инициатора преступления и организатора. Фактически в статье также идет речь о присоединении к уже начатому преступлению, правда, только организатора. Соучастием признается также получение информации о совершенном преступлении и получение части имущества, добытого преступным путем, несмотря на тот факт, что лицо не принимало участия в его совершении ни в какой иной форме [18, с. 65].

Своеобразное попустительство предусматривалось в ст. 54 «Появление вора в подведомственном районе». Пребывание вора в районе, ответственность за который нес тот или иной чиновник, грозило этому чиновнику определенным количеством розог [18, с. 67].

Основные выводы работы можно, очевидно, сформулировать в виде следующих положений. Древнеегипетский законодатель казуистически закрепляет случаи участия в массовых преступлениях, самыми опасными из которых были те, что посягали на основы царской власти (заговоры, мятежи). Целый ряд преступлений, о совместном совершении которых также гово-

рят древнеегипетские законодательные акты, совершить в одиночку было просто невозможно в силу их технической сложности. К ним, например, относились разграбление гробниц, разрушение и повреждение храмовых сооружений. Пользование имуществом, добытым преступным путем, представляло собой преступление исключительно тогда, когда такое имущество приобреталось недобросовестно. Предполагается, что наказание постигало в равной степени всех участников.


Древнешумерские законодательные акты предусматривали в качестве случаев совместного совершения преступления случаи прелюбодеяния как преступления, совершить которое в одиночку было просто невозможно. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства в качестве своеобразной профилактики устанавливали запрет на приобретение вещи (в том числе и раба), если не была установлена ее принадлежность. Каралось укрывательство беглых рабов и попустительство в отношении разбойников. Также сурово начинают караться помощники в совершении преступления. Объемно и достаточно полно регулируются вопросы совместного совершения преступления в некоторых древних государствах Юго-Восточной Азии.

Законы Древней Греции и Рима многочисленных постановлений о совместном совершении преступления не содержат, но расширяют представление о нем путем включения в законодательное поле таких фигур, как пособник и организатор. Регулируется на законодательном уровне и вопрос о неосторожном сопричинении.

Законы Древней Индии также особое внимание уделяют наказанию подстрекателя, действия которого караются в два раза строже. При отсутствии прямых нормативных предписаний о совместном совершении преступления, данный феномен все-таки известен древнеиндийскому уголовному праву. О соучастниках упоминается косвенно в других нормах. Кроме того, существуют нормы о запрете укрывательских действий.

Древнекитайской правовой традиции было свойственно тщательно выделять виды лиц, совместно совершающих преступление, и дифференцировать уголовную ответственность каждого из них. Однако и здесь инициатор (подстрекатель) чаще всего отождествляется с организатором и становится главным виновником совершения преступления. А традиция тщательной дифференциации выдерживается далеко не во всех нормах. Для преступлений, очевидно, достаточно распространенных и часто совершаемых массово, действовал принцип «одинаковой» ответственности для всех соисполнителей.

Совместное совершение преступления в уголовном праве Древней Японии представляло собой в основном обстоятельство, отягчающее наказание. Однако уголовно-правовые нормы древних японцев, так же, как и некоторые древнеегипетские нормативные положения, особое внимание уделяют конкретным видам преступлений против государственной власти и собственности, которые чаще всего совершались совместно. Это такие посягательства, как бунты и заговоры (подстрекательство к мятежу), разбои и грабежи.

В целом древневосточная правовая традиция оформления случаев совместного совершения преступления совершенно однозначна. В ней практически нет общих положений, касающихся понятия, признаков или принципов подобного рода совершения преступления. Основным виновником преступления считался не исполнитель, а зачинщик (инициатор, подстрекатель), преступная деятельность которого каралась, как правило, в два раза строже. Но она уделяет пристальное внимание практически всем случаям прикосновенности к преступлению (укрывательству, попустительству, недонесению). Древний законодатель считает наиболее эффективным предупреждать, а в случае совершения – карать прикосновенность как деятельность, сопутствующую совершению преступления, а значит, предоставляющую возможность совершать иные виды преступлений. 

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архашастра, или Наука политики / изд. подгот. В. И. Кальянов. М. ; Л., 1959. 796 с.
2. Вигасин А. А., Самозванцев А. М. Архашастра. Проблемы социальной структуры и права. М., 1984. 256 с.
3. Волков И. М. Законы вавилонского царя Хаммураби. М., 1914. 89 с.
4. Государство на Древнем Востоке : сб. ст. М., 2004. 472 с.
5. Графский В. Г. Всеобщая история права и государства : учеб. для вузов. М., 2007. 752 с.
6. Дигесты Юстиниана. Т. 2 : пер. с лат. М., 2008. 622 с.
7. Дхармашастра Нарады / пер. с санскрита и коммент. А. А. Вигасина и А. М. Самозванцева. М., 1998. 239 с.
8. Законы XII таблиц / пер. Л. Л. Кофанова. М., 1996. 229 с.
9. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства / под ред. И. М. Дьяконова // Вестник древней истории. 1952. № 3 (40). С. 197–303.
10. Законы Ману. М., 2002. 496 с.
11. История государства и права стран Азии и Африки. Очерки. М., 1964. 253 с.
12. История Древнего Востока. Тексты и документы : учеб. пособие / под ред. В. И. Кузицина. М., 2002. 719 с.
13. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / пер. с кит., вступ. ст., коммент., послесл. Л. С. Переломова. Изд. 2-е, доп. М., 1993. 390 с.
14. Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права XVI–X вв. до н. э. Памятники и исследования. Л., 1960. 355 с.
15. Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012. 736 с.
16. Свод законов «Тайхо рицурё» 702–718 гг. Рицу (Уголовный кодекс). М., 1989. 110 с.

17. Суриков И. Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. 144 с.

18. Суровень Д. А. Отягчающие и смягчающие обстоятельства в древнем и раннесредневековом японском праве // Эволюция российского и зарубежного государства и права // Эволюция российского и зарубежного государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016) : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016. Т. 1 : История кафедры, эволюция российского и зарубежного государства и права в трудах ученых кафедры, аспирантов, соискателей и докторантов / под ред. А. С. Смыкалина. С. 801–855.

19. Томсинов В. А. Государство и право Древнего Египта. М., 2011. 512 с.

20. Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. 160 с.

21. Трикоз Е. Н. Формирование древнеегипетского права: у истоков древнейшей правовой традиции // Правоведение. 2005. № 1. С. 183–193.

22. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй ши у). Цзюани 1–8 / пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб., 1999. 384 с.

23. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй ши у). Цзюани 17–25 / пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб., 2005. 416 с.

24. Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. 2 / под ред. В. В. Струве. М., 1951. 359 с.

25. Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. 3 / под ред. В. В. Струве. М., 1953. 275 с.

26. Хрестоматия по истории права зарубежных стран : учеб. пособие / сост.: В. Б. Романовская, Д. В. Чернышев, Н. В. Остроумов, С. В. Остроумов. Н. Новгород, 2014. 248 с.

REFERENCES

1. *Arthashastra ili nauka politiki* [Arthashastra or the science of politics]. Izdanie podgotovil V.I. Kaliyanov. Moscow, Leningrad, 1959, 796 p. (in Russian)

2. Viganis A.A., Camozvancev A. M. *Arthashastra. Problemy socialnoj struktury i prava* [Samozvantsev A.M. Arthashastra. Problems of social structure and law]. Moscow, 1984, 256 p. (in Russian)

3. Volkov I. M. *Zakony vavilonskogo carya Hammurabi* [Laws of the Babylonian king Hammurabi]. Moscow, 1914, 89 p. (in Russian)

4. *Gosudarstvo na Drevnem Vostoke* [State in the Ancient East: Collection of articles]. Moscow, 2004, 472 p. (in Russian)

5. Grafskij V. G. *Vseobshchaya istoriya prava i gosudarstva* [Universal history of law and state: textbook for universities]. Moscow, 2007, 752 p. (in Russian)

6. *Digesty YUstiniana / Perevod s latinskogo. T. II* [Digests of Justinian. Translation from Latin. Vol. 2.]. Moscow, 2008, 622 p. (in Russian)

7. *Dharmashastra Narady* [Dharmashastra of Narada. Transl. from sanxrita and commentary A.A. Viganis and A.M. Samozvantseva]. Moscow, 1998, 239 p. (in Russian)

8. *Zakony XII tablic* [Laws of XII tables. Transl. by L.L. Kofanov]. Moscow, 1996. 229 p. (in Russian)

9. *Zakony Vavilonii, Assirii i Hettского carstva*. [Laws of Babylonia, Assyria and the Hittite Kingdom. Ed.by I.M. D'yakonova]. *Vestnik drevnej istorii* [Bulletin of ancient history], 1952, no. 3 (40), pp. 197–303. (in Russian)

10. *Zakony Manu* [Laws of Manu]. Moscow, 2002. 496 p. (in Russian)

11. *Istoriya gosudarstva i prava stran Azii i Afriki. Ocherki* [History of the state and law of the countries of Asia and Africa. Essays]. Moscow, 1964. 253 p. (in Russian)

12. *Istoriya Drevnego Vostoka. Teksty i dokumenty* [History of the Ancient East. Texts and documents: teaching aid]. Ed. by V.I. Kuzishchina. Moscow, 2002, 719 p. (in Russian)

13. *Kniga praviteley oblasti SHan (SHan czyun' shu)* [The book of the ruler of the Shang region (Shang jun shu)]. 2nd ed. Add. transl. with whale, entry. Art., comment. after L.S. Perelomova. Moscow, 1993, 390 p. (in Russian)

14. *Lur'e I. M. Ocherki drevneegipetskogo prava XVI-X vv. do n. e. Pamyatniki i issledovaniya* [Lurie I. M. Essays on ancient Egyptian law of the 16th – 10th centuries. BC e. Monuments and Research]. Leningrad, 1960, 355 p. (in Russian)

15. *Malcev G. V. Mest i vozmezdie v drevnem prave* [Revenge and retribution in ancient law]. Moscow, 2012, 736 p. (in Russian)

16. *Svod zakonov "Taiho ricuryo" 702–718 gg. Ricu (Ugolovnyj kodeks)* [Code of laws "Taiho Ritsuryo" 702–718 years. Ritsu (Criminal Code)]. Moscow, 1989, 110 p. (in Russian)

17. *Surikov I.E. Problemy ranнего афинского законодательства* [Problems of early Athenian legislation]. Moscow, 2004. 144 p. (in Russian)

18. Suroven' D. A. Otyagchayushchie i smyagchayushchie obstayatelstva v drevnem i rannesrednevekovom yaponskom prave [Aggravating and mitigating circumstances in ancient and early medieval Japanese law]. *Evolyuciya rossijskogo i zarubezhnogo gosudarstva i prava. K 80-letiyu kafedry istorii gosudarstva i prava Uralskogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta (1936–2016). Vol. 1: Istoriya kafedry, evolyuciya rossijskogo i zarubezhnogo gosudarstva i prava v trudah uchenyh kafedry, aspirantov, soiskatelej i doktorantov* [Evolution of the Russian and foreign state and law. To the 80th anniversary of the Department of History of State and Law of the Ural State Law University (1936–2016): Collection of scientific works. Vol. 1: The history of the department, the evolution of the Russian and foreign state and law in the works of the scientists of the department, postgraduate students, applicants and doctoral students]. Ed. by A.S. Smykalina. Ekaterinburg, 2016, pp. 801–855. (in Russian)

19. Tomsinov V. A. *Gosudarstvo i pravo Drevnego Egipta Tomsinov VA State and law of Ancient Egypt* [State and law of Ancient Egypt]. Moscow, 2011, 512 p. (in Russian)

20. Trajnin A.N. *Uchenie o souchastii* [The doctrine of complicity]. Moscow, 1941, 160 p. (in Russian)

21. Trikoz E.N. Formirovanie drevneegipetskogo prava: u istokov drevnejšej pravovoj tradicii [The doctrine of complicity]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2005, no. 1, pp. 183–193. (in Russian)

22. *Ugolovnye ustanovleniya Tan s raz'yasneniyami (Tan lyuj shi u). Czyuani 1–8* [Criminal provisions of Tang with explanations (Tang lu shi wu). Juan 1–8]. Transl. with whale and comments Rybakov V.M. Saint Petersburg, 1999, 384 p. (in Russian)

23. *Ugolovnye ustanovleniya Tan s raz'yasneniyami (Tan lyuj shi u). Czyuani 17–25* [Criminal provisions of Tang with explanations (Tang lu shi wu). Juan 1–8]. Transl. with whale and comments Rybakov V.M. Saint Petersburg, 2005, 416 p. (in Russian)

24. *Hrestomatiya po istorii Drevnego Mira. T. 2* [Reader on the history of the Ancient World. Vol. 2]. Ed. by V.V. Struve. Moscow, 1951, 359 p. (in Russian)

25. *Hrestomatiya po istorii Drevnego Mira. T. 3* [Reader on the history of the Ancient World. Vol. 3]. Ed. by V.V. Struve. Moscow, 1953, 275 p. (in Russian)

26. Romanovskaya V.B., Chernyshev D.V., Ostroumov N.V., Ostroumov S.V. *Hrestomatiya po istorii prava zarubezhnyh stran* [Reader on the history of the law of foreign countries: textbook]. Nizhny Novgorod, 2014, 248 p. (in Russian)

Features of Fixing of Joint Commission of Crime in Legislation of Some the States of the Ancient East and the Epoch of Antiquity

© Georgievsky E. V., Kravtsov R. V., 2020

A study of the joint commission of a crime as a legal phenomenon, which is enshrined in the written legislative acts of the first state formations of the Ancient East and some states of the era of antiquity, is carried out. The article considers the norms of a criminal-legal nature, which include certain provisions concerning the joint commission of a crime. Analyzed the basic laws of Ancient Egypt, Sumer, Babylon, Assyria, India, China and Japan, Greece and Rome. The analysis was made of the norms of a criminal-legal nature, in which provisions on joint infliction of harm are mentioned in one way or another. Possible types of joint commission of a crime and persons jointly participating in the commission of unlawful acts, the grounds and limits of criminal responsibility, types of group entities within which crimes are jointly committed have been established. A number of theoretical provisions have been identified and systematized, reflecting the criminal law views of the legislators of the Ancient East and Antiquity on the socially dangerous nature and harmfulness of the joint crime. It is determined that the ancient oriental and ancient legislators consolidate the first provisions concerning the joint commission of a crime casuistically, that is, fixing specific cases in the "body" of the norms; in the legislation such structures of crime are fixed, the commission of which alone seems either unlikely or impossible; Among the possible types of joint commission of a crime, the legislator pays more attention to the implication, expressed in concealment, non-reporting or connivance. It is argued that this is due to the excellent degree of public danger of such cases, since it is they that create the determination in others to commit a crime.

Keywords: joint commission of crime, complicity, organizer, accomplice, helpers, harboring, incitement, riot, insurrection, Ancient East, Laws of Bilalama, Gortinsky laws, Laws of Manu.